

ский ход развития общества, и тем самым определяла характер и организацию исторической эпохи.

Так же к объективным условиям развития можно отнести уровень производительных сил, определяющих экономическую, социальную и культурную стадию развития общества и общественные отношения, складывающиеся в зависимости от их уровня. Производительные силы могут иметь различную степень и различную силу, таким образом, они задают определенный уровень развития исторической эпохи. «Главная производительная сила общества – это сами люди, участники общественного производства – рабочие, трудящиеся массы»[2]. В данном случае, следует так же учитывать степень развитости общественных отношений и народонаселения, в целом. От роста и плотности народонаселения так же зависит характер исторической эпохи и рост производительных сил. Те экономические, общественные и культурные связи, которые возникают в исторической эпохи, во многом связаны со структурой и степенью развитости общественных отношений. В этом зачастую и определяется гетерохронность всеобщего развития исторической эпохи для разных этносов.

Нужно учитывать тот факт, что и сам человек является активным субъектом это самой среды. И во многом, несмотря на заданные условия природного развития, человек подстраивает их под себя, те есть преобразует окружающую действительность. И здесь важную роль играет второй принцип – антропоцентризма. В данном случае человек рассматривается как центр Вселенной и является высшим продуктом естественной природы, ее порождением и ее частью. Поэтому саму сущность человека можно рассматривать как с объективных позиций его развития в при-

родных условиях, закономерным результатом эволюции природы, так и как личность обладающую субъективностью, активно воздействующей на окружающий мир, изменяющий и подстраивающий его в соответствии со своими требованиями и взглядами. Сама историческая эпоха и есть та действительность, в которой существует человек, и которую он налаживает, руководствуясь нужными ему принципами. Соответственно характер и наполненность исторической эпохи будет так же зависеть от воли и желания самого человека. Понятие исторической эпохи и ее отделение от другой, будет напрямую связана с той деятельностью, что ведет человек, с теми взглядами и суждениями, которых он придерживается. В данном случае именно человеческий фактор рассматривается как определяющий в историческом развитии.

Таким образом, эти два принципа в большей мере обобщают весь объем материала, который выделяет понятие исторической эпохи как особого отрезка развития в жизни социума, характеризующегося объективными условиями его существования, при активной деятельности человеческого фактора.

Библиографические ссылки

1. *Всемирно-исторический процесс: общественно-экономические формации, цивилизации и межформационные революции* / А. М. Селзнев // *Философия и общество*. 2005. № 2(39). С. 18–38.

2. *Маркс К., Энгельс, Ф. Полн. собр. соч. 2-е изд., т. 46, ч. 1. М. : Институт Маркса–Энгельса–Ленина–Сталина. С. 403.*

© Тахтуева К. В., 2013

УДК 168.522

А. В. Шишлова

Научный руководитель – А. И. Виноградова
Сибирский государственный аэрокосмический университет
имени академика М. Ф. Решетнева, Красноярск

КУЛЬТУРНЫЕ ЧЕРТЫ ПОСТСОВРЕМЕННОЙ ЭПОХИ

Рассматривается анализ перемен в общественной жизни, в жизни культуры. Раскрывается суть общества потребления как совокупности знаков, символических посредников, оторванных от реальности. Ставится вопрос о понимании реалий социальной жизни в сегодняшней России.

Осмысление существенных сдвигов в жизнедеятельности тех обществ, в которых мы живем, началось в 60-е годы нашего века. Сейчас более распространён термин «постмодерн», который указывает на состояние эпохи после модерна (индустриальной современности). В современной научной и публицистической литературе часто можно встретить термин «постмодернизм», которым обозначают ситуацию в культуре эпохи постмодерна. В системе социального знания эти термины используются для анализа перемен в общественной жизни конца XX в. Западные теоретики, прежде всего, осмысливают опыт жизни в обществе «всеобщего благосостояния» [1]. В общест-

ве всеобщего благосостояния имеет место бесконечное умножение объектов, услуг, товаров. В этом – фундаментальное изменение общества и человека. Люди оказываются в среде не человеческих существ, как это было в прошлом, а объектов. Новая реальность практически вся искусственна. Имеет место не столько обмен людей друг с другом, сколько статистический процесс обмена товарами и сообщениями: начиная со сложной организации дома с множеством технических «слуг» до городов-мегаполисов с их коммуникационной и профессиональной активностью и вечным праздником рекламы в повседневных сообщениях media. Субстанция реальной жизни утрачива-

ет значение и отменяется. Во многом это происходит потому, что в деятельности людей участвует все больше символических посредников. Вещи выступают прежде всего в знаковой функции.

Потребление сегодня становится способом активного поведения, коллективным и добровольно-принудительным. Социальная система все больше нуждается в людях не только и не столько как в трудящихся, налогоплательщиках и тех, кто дает государству взаймы, но прежде все как в потребителях. А в этой функции человек незаменим. Ответы на вопрос, который ставит перед людьми появление новых форм жизни, неоднозначны. На нашей отечественной почве мы можем наблюдать процессы, очень похожие на те, что описывают западные социальные теоретики. И у нас появились комплексные торговые и гостиничные центры, есть группы людей, которые имеют возможность жить в этой новой реальности и воспроизводить ее своей жизнью. Практика со всей очевидностью свидетельствует, что подобные социальные пространства весьма ограничены. Масса людей не может участвовать в реализации стратегий потребительского соблазна. В лучшем случае они находятся на стадии традиционных способов удовлетворения потребностей, в худшем они становятся объектами репрессивных дисциплинарных практик. В любом случае общество многомерно. Это в полной мере относится, кстати, и к процветающим западным обществам. Там больше людей, «пригодных к соблазну», но они не составляют все общество.

На Западе идет спор о том, являются ли упомянутые тенденции абсолютно новыми или же они – результат развития обществ модерна (индустриальной современности). Одни теоретики полагают, что общества индустриальной современности (модерна) – области господства социально-механических структур, экономико-политической организации, индивида и функции, общества господства групп, основанных на договоре. Общества постсовременные – области структур сложных и органических, общества масс и персон (ролей) вместо индивидов, общества господства «племен», а не четко структурированных социальных групп. Одна группа легко заменяется на другую, как клуб по интересам. Другие высказывают мнение, что эти тенденции – признаки перехода обществ модерна в новую стадию, на которой, с одной стороны, развиваются прежние тенденции, а с другой – возникают противоречия, которые могут подорвать сам «проект» модерна, а могут стимулировать новации.

Каковы эти противоречия? Капитализм периода свободной конкуренции поддерживал индивидуалистическую систему ценностей, которая сочеталась с альтруистической моралью, унаследованной от традиционного общества, смягчала антагонизмы социальных связей. Моральный закон, общий знаменатель индивидуальных эгоизмов, подобно закону рынка поддерживал стабильность общества, но это более невозможно. По мере того, как исчезает «свободное предпринимательство», альтруистической идеологии

недостаточно для достижения социальной интеграции. Прежние ценности не заменила никакая новая идеология. Возможна лишь система социальной «смазки» (социальная работа, социальная реформа, пропаганда общества всеобщего благосостояния, работа с человеческими отношениями). Действительно, потребление становится важнейшим средством социального контроля. Оно требует интенсификации бюрократического контроля. Тем не менее, именно потребление объявляется областью свободы. Это противоречие не было известно прежним обществам. Можно ли одновременно объявлять потребителю, что уровень потребления – мерило социальных заслуг и ждать от него социальной ответственности?

Противоречия модерна наиболее ярко проявились в феномене молодежной контркультуры протеста против формальной рациональности, против всех видов планирования, калькуляции и систематических проектов, ориентации на достижение как на цель и ценность. Эти импульсы можно считать постмодерными, но можно трактовать и как род демодернизации (возврата к роду традиционного общества) [2]. Недаром у многих теоретиков при описании социокультурных и антропологических тенденций сегодняшнего дня появляются выражения типа «новое Средневековье», «новое варварство». Воплощения демодернизирующего импульса можно увидеть в экологических движениях и в феминизме, в возрождении оккультизма, магии и мистики, в выступлениях против приватности. Главное противоречие новой культуры состоит в том, что предпосылки демодернизирующего импульса сформировались именно в период современности. Молодежная культура и люди, которые ее воплощают, не могли бы появиться, если бы не возникло отношение к детству и молодости как к особым социальным состояниям. Такое отношение возникло именно в эпоху индустриальной современности. Недаром адепты той же новой мистики так любят пользоваться словом «техники», которое пришло из словаря инженеров и бюрократов. Споры об отношении современности и постсовременности отнюдь не завершены. Будущее открыто. Эти споры могут помочь понять многие реалии социальной жизни в сегодняшней России. Важно осознать, что задачи модернизации, о которых сейчас много говорят и пишут, осуществляются в условиях постмодернизации. Новые люди действуют в российской истории. Они конституируются в новые социальные группы, деятельность которых изменит общество.

Библиографические ссылки

1. Белл Д. *Грядущее постиндустриальное общество. Образец социального прогнозирования*. М. : Академия, 2004. 578 с.
2. Иноземцев В. Л. *Современное постиндустриальное общество: природа, противоречия, перспективы*. М. : Логос, 2000. 185 с.

© Шишлова А. В., 2013